УДК 947.085

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-180-188

Оксана Николаевна Полянская,*Бурятский государственный университет**(г. Улан-Удэ, Россия),**e-mail: PolGrab@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>***Монголоведение в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов**

Статья посвящена истории монголоведения СССР в годы Отечественной войны 1941–1945 гг. Основой для публикации стала переписка ведущих монголоведов России начала XX в., успешно продолживших монголоведческие исследования в 1920–1940-е гг., Н. Н. Поппе и В. Л. Котвича. Письма из архива Польской академии наук и знаний содержат сведения о задачах, стоящих перед советским монголоведением, план работы на 1941 г. и сведения о проделанной работе Монгольского кабинета Института востоковедения АН СССР за предыдущий период (30-е гг. XX в.). Важным источником для изучения деятельности востоковедов, а также для знакомства с их личностными качествами являются опубликованные в 2003 г. воспоминания Лидии Леонидовны Викторовой, участницы Великой Отечественной войны (переводчик в 1943–1944), преподавателя кафедры монгольской филологии восточного факультета ЛГУ (с 1956), а в годы войны 1940–1943 и в первые послевоенные 1945–1948 гг. – студентки факультета. Автор публикации, рассказывая об основных вехах деятельности института и судьбах монголоведов, делает вывод, что эвакуированный Институт востоковедения продолжает свою работу в Ташкенте, ориентируясь, в основном, на требования, выдвигаемые войной и эвакуацией. Монголоведение получает новый импульс своего развития в Улан-Удэ, в Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте языка и литературы и истории, Бурят-Монгольском педагогическом институте, а также в Иркутском государственном университете. С началом Великой Отечественной войны, в результате эвакуации и реорганизации центральных вузов страны, согласно условиям военного времени, в национальные республики СССР и Сибири приезжают на работу ведущие специалисты в области востоковедения, истории, языкознания. В статье отражена деятельность в годы войны таких монголоведов, как С. А. Козин, Т. А. Бурдукова, К. М. Черемисов, Г. Н. Румянцев, Н. П. Шастина, Д. Д. Амоглонов, Д. А. Абашеев и др.

Ключевые слова: монголоведение в СССР, Институт востоковедения АН СССР, Ленинградский государственный университет, Бурят-Монгольский педагогический институт, Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт языка и литературы и истории, Великая Отечественная война

Oksana N. Polyanskaya,*Buryat State University**(Ulan-Ude, Russia),**e-mail: PolGrab@mail.ru,**<https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>***Mongolian Studies in the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945**

The article is devoted to the history of Mongolian studies in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. This research is based on the correspondence of the leading Russian specialists in Mongolian studies of the early 20th century N. N. Poppe and V. L. Kotvich, who successfully continued their research work in the 1920s–1940s. The paper makes reference to letters from the Polish Academy of Learning (Krakow) that contain aims of Soviet Mongolian studies, a work plan for 1941 and the scientific results of Mongolian cabinet of the USSR Institute of Oriental studies of the Academy of Sciences in the 1930s. It also focuses on memoirs by Lydia Leonidovna Viktorova published in 2003 as an important source for studying the activities and personal qualities of the Orientalists of the stated period. Lydia Leonidovna was a participant of the Great Patriotic War (an interpreter – 1943–1944), a lecturer of Mongolian Philology Department and the Faculty of Oriental Studies at Leningrad State University (since 1956). She was a student of that faculty during the war (1945–1948) and in the first post-war years (1945–1948). The analysis of the correspondence makes it possible to conclude that the evacuated Institute of Oriental Studies continued its work in Tashkent, focusing mainly on the requirements put forward by the war. Mongolian studies were given renewed momentum in Buryat-Mongolian Research Institute of Language, Literature and History, Buryat-Mongolian Pedagogical Institute in Ulan-Ude, as well as in Irkutsk State University. As a result of evacuation and reorganization of the country's central universities during the Great Patriotic War, leading orientalists, specialists in history and linguistics came to work in the national republics of the USSR and Siberia. The article reflects the wartime activity of such specialists in Mongolian stud-

© Полянская О. Н., 2020

ies as S. A. Kozin, T. A. Burdukova, K. M. Cheremisov, G. N. Rumyantsev, N. P. Shastina, D. D. Amogolonov, D. A. Abasheev and others.

Keywords: Mongolian studies in the USSR, Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences, Leningrad State University, Buryat-Mongolian Pedagogical Institute, Buryat-Mongolian Research Institute of Language, Literature and History, the Great Patriotic War

Введение. Начиная с 1920-х гг. в СССР шло становление советской науки, советского востоковедения, одной из приоритетных задач которого было изучение современной истории, языка, культуры стран Востока. В результате реорганизации Лазаревского института сначала был создан Институт живых восточных языков, и как продолжение реформ в 1921 г. образован Московский институт востоковедения (МИВ). В 1930 г. в Ленинграде создан Институт востоковедения АН СССР из прежних востоковедных учреждений Академии наук: Тюркологического кабинета, Института буддийской культуры и Азиатского музея с Коллегией востоковедов в Ленинграде. В 1940-е гг. советская наука прошла ещё период новой реорганизации, законы военного времени (1941–1945) коснулись не только исследовательских институтов, учебных учреждений, университетов, но и коренным образом поменяли судьбы учёных.

Методология и методы исследования. Статья посвящена одному из периодов отечественной школы монголоведения времён Великой отечественной войны. Становление и развитие советской школы монголоведения основывалось на традициях, заложенных в предыдущий период: у истоков советского монголоведения стояли учёные, получившие востоковедное образование и начавшие свою исследовательскую деятельность ещё в дореволюционное время (до 1917). Рассмотрение биографий востоковедов, продолживших свою исследовательскую деятельность после окончания войны, позволило наметить дальнейшие векторы развития научного монголоведения. Всё это стало возможным благодаря принципам историзма, который способствует изучению истории монголоведения в развитии, а основы анализа и сравнения помогли сделать выводы о том, что деятельность монголоведов в 1941–1945 гг. – закономерный результат предшествующего периода. Историко-антропологический подход позволил значительное внимание уделить биографиям монголоведов в целом и, в частности, их научной деятельности в годы Великой Отечественной войны, показать, как события военного времени оказали влияние

на жизнь и судьбу учёных, на дальнейшее развитие монголоведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Годы Второй мировой войны (1939–1945), а также канун войны – период повышенного интереса к странам Азии и Африки со стороны молодого советского государства и западных держав. В то время происходили изменения в мировой колониальной системе, с одной стороны, в связи с образованием независимых государств в афро-азиатском мире, с другой, с сохраняющимся интересом к региону со стороны европейских держав. Поэтому начинает наблюдаться востребованность востоковедов, а востоковедные исследования занимают приоритетные позиции как в научном плане, так и в государственном, и в СССР, и на Западе [13, с. 26–30]. Кроме изучения истории, экономики, политической ситуации в странах зарубежного Востока востоковеды занимаются созданием научных работ по истории и культуре союзных республик. С 1920-х гг. берут начало своей истории большинство Советских Социалистических и Автономных Советских Социалистических Республик. «...План Академии составляется исходя из практических запросов республик. Практическими актуальными работами признаются: грамматики и словари (литературного языка и диалектологические), исследования по истории и фольклору. Выбор, как видите, большой», – писал монговед, заведующий Монгольским кабинетом Николай Николаевич Поппе (1897–1991) из Ленинграда в декабре 1940 г. своему учителю и коллеге Владиславу Людвиговичу Котвичу (1872–1944) в Польшу¹. В связи с этим, в планы монголоведов Ленинграда в 1941 г. входило продолжение начатой работы по изучению письменного наследия монгольских народов, их народного творчества, составление грамматик и словарей по монгольским языкам. К концу 1940 г. была фактически закончена работа по составлению монгольско-русского словаря «письменного языка объёмом 167 печатных листов»². Сло-

¹ Rps. PAN Kł. Архив библиотеки Польской академии наук и знания в г. Краков. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 17.

² Словарь не был издан из-за ряда причин: вопросов транскрипции в частности, что мы и читаем в переписке, а также начало Великой отечественной войны приостановило многие научные проекты. Однако рабо-

варь был сдан в типографию, однако его набор всё время откладывался из-за многих нерешённых вопросов по его изданию, один из которых связан с транскрипцией. Здесь «...дело, действительно, обстояло неблагоприятно. Причиной служит частая смена алфавитов. По новому варианту монголы тоже переходят на русский алфавит. Издавая словарь, мы, между прочим, ставим своей целью внести стабильность в транскрипцию», – особенно подчёркивал в переписке с В. Л. Котвичем Н. Н. Поппе в апреле 1941 г.¹ Над словарем работали все ведущие монголоведы: Н. Н. Поппе, Б. И. Панкратов, К. М. Черемисов, С. Д. Дылыков, Г. Д. Санжеев, С. А. Козин, А. В. Бурдуков². Одним из составителей монгольско-русского словаря был Константин Михайлович Черемисов (1899–1982), в 1938–1940 гг. – сотрудник ИВ АН СССР и автор «Монгольско-русского словаря (по современной прессе)», изданного в 1937 г. совместно с Г. Н. Румянцевым³. Со слов автора-составителя, словарь необходим был «для чтения современной прессы на монгольском языке... справочника-словаря – нет, и предлагаемая работа является попыткой удовлетворить настоящую нужду в этой области, в частности для студентов наших востоковедных вузов...»⁴. В годы войны и

та над его составлением способствовала созданию в дальнейшем других словарей. См.: Rps. PAN Kr. Архив библиотеки Польской академии наук и знания в г. Краков. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 15.

¹ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 30.

² Там же. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 15.

³ Румянцев Георгий Никитич (1903–1966) – монголовед, востоковед. Выпускник историко-лингвистического факультета Ленинградского государственного университета 1931 г. Сотрудник Института востоковедения АН СССР 1935–1939 гг., Монгольского кабинета. С 1939 г. работал в Бурят-Монгольском НИИ языка, литературы и истории научным сотрудником, затем заведующим сектором истории, заведующим отделом зарубежного Востока. См.: Милибанд, С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь: в 2 кн. – М.: Вост. лит., 2008. – Кн. 2: Н–Я. – С. 279, 280.

⁴ Подготовка кадров ориенталистики велась по-прежнему на восточном факультете Ленинградского университета. В Москве востоковедов готовили в Центральном институте живых восточных языков, образованном в 1920 г. на базе Лазаревского института. Его первым ректором стал видный военный востоковед, генерал русской армии А. Е. Снесарев. В 1927 г. было принято решение о реорганизации института, и он стал называться Московским институтом востоковедения (МИВ) им. Нариманова. Выпускники МИВ в развитии востоковедения 1930–1940-х гг. играли основополагающую роль. Специалистов по Востоку подготавливали и в Академии Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В годы войны восточный факультет был открыт в Военном институте иностранных языков Наркомата обороны. Все эти факты говорят о преемственности заложенных в востоковедении тради-

К. М. Черемисов (с 1940), и Г. Н. Румянцев (с 1939) работали в Улан-Удэ в Бурят-Монгольском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, на долгие годы связав себя с Бурятией. Приехав в Улан-Удэ, Константин Михайлович Черемисов начинает работу по сбору словарного материала по бурятскому языку, результатом которой стал краткий «Русско-бурятский словарь» (12 000 слов). Издаёт его в 1941 г. В течение 1940-х гг. К. М. Черемисов выезжает в районы республики для сбора материала, публикует статьи по вопросам грамматического строя бурятского языка, переводы с русского языка на бурятский и изучает говоры бурятского языка. За исследования в области языкознания в годы войны К. М. Черемисов был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Исследования проводились совместно с бурятскими коллегами-филологами, не только сотрудниками Бурят-Монгольского НИИ, но и преподавателями Бурятского педагогического института Даниилом Алтаевичем Абашеевым (1890–1966), Даша Доржиевичем Амоголоновым (1912–1982) и др. Д. А. Абашеев в 1944 г. возглавил организованную пединститутом диалектологическую экспедицию в Тункинский район Бурятской АССР с целью изучения бурятских говоров. Д. Д. Амоголонов вернулся с семьёй в Улан-Удэ в 1942 г. из осаждённого Ленин-

ций ещё в XIX – начале XX в., когда подготовка военных востоковедов была одним из основных направлений. Так, Восточный институт во Владивостоке выпускал военных специалистов по Востоку, а его многие сотрудники продолжили свою преподавательскую деятельность и в годы Второй мировой войны. В Москве важным центром востоковедных исследований был Тихоокеанский институт СССР, учреждённый в 1934 г., в ноябре 1942 г. он был передан Академии наук СССР. Директором Тихоокеанского института (1943–1950) был Жуков Евгений Михайлович (1907–1980), японист, выпускник Ленинградского восточного института (ЛВИ) (1927), доктор исторических наук (1941), профессор (1944), академик (1958). Вторую мировую войну встретил научным сотрудником Института истории (1939–1941), начальником отдела и заместителем председателя Комитета по радиофикации и радиовещанию при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР (1941–1943). Ряд публикаций, подготовленных востоковедами, был посвящён проблемам экономики этого региона, а также вопросам международных отношений на Дальнем Востоке. Одним из сотрудников института военного периода был Алексей Степанович Перевертайло (1897–1990), который в 1935 г. окончил МИВ, общественно-политический факультет, а в годы войны защитил кандидатскую диссертацию по теме «Народное хозяйство современного Китая» (1941). Работал научным сотрудником МИВ в годы войны, где заведовал Дальневосточным кабинетом. См.: Полянская О. Н. Советское востоковедение в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 26–30.

града, когда началась эвакуация научных и учебных учреждений. 1942 г. стал временем централизованной эвакуации научных и учебных заведений из Москвы и Ленинграда. Эвакуировали в различные города страны – Ташкент, Алма-Ату, Казань, Саратов, Елабугу. В Ташкент были направлены сотрудники ЛО Института истории, Этнографического института, Института литературы, Института востоковедения, согласно распоряжению СНК СССР [10]. Д. Д. Амоголонов до войны был аспирантом ИВ АН СССР. В первые годы войны, с осени 1941 г. вплоть до лета 1942 г. Д. Амоголонов являлся участником ополчения [2, с. 248]. Д. Д. Амоголонов – активный участник процесса реформирования в бурятском языкознании, он разработал проект нового алфавита на базе русского языка, утверждённый Верховным Советом БМССР. Учёными-филологами Д. Абашеевым и Д. Амоголоновым были подготовлены и опубликованы методические пособия, справочники и «Орфографический словарь» [3, с. 65–67]. В работе над орфографическим словарём принимал участие преподаватель кафедры бурятского языка и литературы Бурятского педагогического института Д. Д. Дугар-Жабон [13, с. 105]. В 1941 г. вышла работа преподавателя этой же кафедры пединститута, выпускника Ленинградского университета Дмитрия Андриановича Алексеева (1908–1973) «Наречие в бурят-монгольском языке» [12, с. 105]. После окончания войны вернулся в Ленинградский университет, возглавил кафедру монгольской филологии восточного факультета (1945–1973) [11, с. 35]. На кафедре бурятского языка и литературы в Улан-Удэ, кроме Д. А. Алексеева, работал с 1943 г. Трофим Алексеевич Бертагаев (1905–1976), в дальнейшем научный сотрудник Института языкознания АН СССР (с 1953) авторитетный исследователь монгольских языков. В 1946 г. защитил докторскую диссертацию «Лексика монгольских языков: опыт исследования слов и фразеологических сочетаний в их номинативной функции на материалах бурятского, халхаского и других монгольских языков» [Там же, с. 145].

Следует отметить, что с началом Великой Отечественной войны, в результате эвакуации и реорганизации центральных вузов страны, согласно условиям военного времени, происходит усиление потенциала учебных и исследовательских учреждений национальных республик СССР. Прибытие в Бурят-Монгольский педагогический институт профессоров и доцентов позволило создать

новые кафедры: истории (1941), истории СССР (1943), где также разрабатывалась востоковедная тематика, отражающая вопросы истории бурят-монгольского народа. В годы войны преподавали в пединституте и вели исследовательскую работу известные учёные историки и этнографы, монголоеды: Евгений Михайлович Залкинд (1912–1980) работал над монографией «Общественный строй бурят-монголов» [12, с. 139]. Г. Н. Румянцев занимался источниковедческой работой, собирал и систематизировал документы по истории Бурятии, ставшие в будущем основой его фундаментальных работ; изучая бурятские летописи, и занимался их выявлением и описанием [14, с. 8–23].

В письме от 10 января 1941 г. Н. Н. Поппе сообщал В. Л. Котвичу, что «...уже в ближайшее время естественно приступить к составлению общего очерка истории калмыков, начиная с ойратов, древнейших времен и до Октябрьской революции, примерно листов на 12–15, по типу книги Кудрявцева¹, которая удостоена положительной рецензии в газете «Правда» за 27 октября 1940 г.»². «Очерк бурят Кудрявцева³ (издана в 1940) – хорошая книга, по типу которой можно было бы написать историю калмыков. Это стандартный у нас тип истории народов СССР»⁴. «Дело в том, что материалы и документы представляют большую ценность для учёных-специалистов, но самим калмыкам они будут мало доступны, между тем, им чрезвычайно необходима⁵ книга общего характера...»⁶.

Кудрявцев Фёдор Александрович с 1940 г. работал в Иркутском государственном университете. В том же году была опубликована его фундаментальная работа «История бурят-монгольского народа: очерки» в издательстве АН СССР, которую автор защитил в 1942 г. в Иркутском университете в качестве кандидатской диссертации. Выходу этого труда предшествовали годы исследовательской работы по вопросам истории Бурятии. Во второй половине 1920-х гг. Ф. А. Кудрявцев жил и работал учителем, затем научным сотрудником Архивного управления Бурят-Монгольской АССР в

¹ Кудрявцев Фёдор Александрович (1899–1976) – доктор исторических наук, профессор, с 1940 г. – преподаватель Иркутского госуниверситета.

² Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 22.

³ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа: очерки. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – Кн. 1: от XVII в. до 60-х гг. XX в. – 242 с.

⁴ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 19.

⁵ Калмыцкая АССР была образована в 1935 г., поэтому обозначенные Н. Поппе задачи были весьма актуальны.

⁶ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 22.

г. Верхнеудинске (ныне – г. Улан-Удэ) [5, с. 6–10].

В 1942 г. в Иркутск из Ленинграда¹ приехала Нина Павловна Шастина (1898–1980), где она работала сотрудником библиотек Академии наук и Института этнографии СССР с 1937 по 1942 г. и одновременно изучала историю и культуру Монголии, страны в которой она жила и работала в течение 13 лет, с 1924 г. В 1943–1945 гг. преподавала в Иркутском госуниверситете и исследовала проблему «Первые сношения Московского государства с Алтын-ханами Западной Монголии», ставшую темой её кандидатской диссертацией [9, с. 15–25].

Таким образом, в годы войны 1941–1945 гг. монголоведное направление развивалась в большей степени в национальных исследовательских институтах и вузах Бурят-Монгольской и Калмыцкой АССР, а также Иркутском государственном университете, где вопросами монголоведения занимались с момента открытия университета (1918) ввиду его близости к Монголии.

Н. Н. Поппе делился планами (письмо от 2 декабря 1940 г.) с В. Л. Котвичем на 1941 г.: «В 1941 г. наш кабинет будет работать над следующими темами: 1) А. С. Козин – II том «Сокровенного сказания»²; 2) языковые особенности «Сказания» пишу я; 3) перевод и исследования бурятского «Гэсэра» (я); 4) С. Д. Дылыков пишет работу о «Халха Джируме»; 5) А. В. Бурдуков и его дочь составляют калмыцко-русский словарь; 6) дочь А. В. Бурдукова пишет работу «Хаван Ширабе»³; 7) Г. Д. Санжеев в Москве пишет сравнительную грамматику монголь-

ских языков»⁴. Солидная программа, и только на один год. В своих письмах учёный также выражал надежду, что удастся всё это реализовать, желал и В. Л. Котвичу, и себе с коллегами спокойного года, чтобы плодотворно работать⁵. Однако война внесла свои существенные коррективы. Все названные в письме монголоведы с началом Великой Отечественной войны окажутся в разных регионах, по-разному сложится их дальнейшая научная деятельность.

Поппе Николай (Николлас) Николаевич (1897–1991) лингвист, этнограф, монголовед, до войны одновременно с работой в Институте востоковедения преподавал на восточном факультете ЛГУ. Студентка факультета по кафедре монгольской филологии в 1940–1943 и 1945–1948 гг., в дальнейшем (с 1956) – преподаватель кафедры монгольской филологии восточного факультета ЛГУ, учёный Лидия Леонидовна Викторова, участница Великой Отечественной войны (переводчик 1943–1944) так пишет в своих воспоминаниях о Н. Н. Поппе: «Заведующий кафедрой член-корреспондент АН СССР Н. Н. Поппе еще в начале лета [1941] уехал со своей аспиранткой по Институту востоковедения Митрясовой в Калмыкию, откуда они не вернулись к началу занятий. Как мы позднее узнали, они попали в плен к немцам. Немецкое происхождение помогло Н. Н. Поппе получить должность в немецких войсках. Его назначили специалистом по вывозу в Германию музейных ценностей. Позднее он жил в Германии, преподавал, а потом перебрался в США, где снова занялся монголоведением. Митрясова же после долгих мытарств, измученная в оккупации страданиями, в том числе и предательством своего учителя, вернулась после войны в Ленинград психически больной и уже неспособной к занятиям наукой. Это ещё одна из многочисленных судеб, искалеченных войной» [4, с. 157–167]. Поппе Н. Н., таким образом, кардинально поменял свою жизнь в годы войны [1].

Сергей Андреевич Козин (1879–1956) – известный монголовед, преподаватель Ленинградского госуниверситета и научный сотрудник ИВ АН СССР уехал в эвакуацию вместе с университетом в Саратов, где и находился с лета 1942 – до лета 1944 г. До эвакуации Сергей Андреевич один из немногих преподавателей ЛГУ в течение 1941 г. проводил лекционные и практические занятия со студентами старших курсов, имеющих

¹ В 1942 г. во время эвакуации Института востоковедения из Ленинграда в Ташкент Н. П. Шастина получила разрешения от заместителя директора Института (1941–1942) Пигулевской Нины Викторовны (1894–1970) поехать в Иркутск, к родственникам. См.: Марахонова С. И. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.): по архивным материалам // Письменные памятники Востока. – 2010. – № 2. – С. 247–262.

² Первый том «Сокровенного сказания» был готов уже в декабре 1940 г. В письме от 2 декабря Н. Поппе В. Котвичу, сообщая о завершённых работах Монгольского кабинета, писал: «Готово «Сокровенное сказание» С. А. Козина. Первый том уже выходит на днях в свет». См.: Архив библиотеки Польской Академии наук в Кракове. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 15. Однако работа вышла в начале 1941 г. См.: Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии / отв. ред. А. П. Баранников; предисл. Н. Н. Поппе. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.

³ Хроника Шираб Нимбо Хобитуева // Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г. – Ташкент: Ин-т востоковед., 1944. – С. 38–41.

⁴ Rps. PAN Kr. – Д. 4598. – Т. 2. – Л. 16.

⁵ Там же. – Л. 15–30.

бронь от призыва в армию. По воспоминаниям студентки Л. Л. Викторовой «1 сентября [1941 г.] занятия в университете почти не возобновились на нашей кафедре [монгольской филологии]. Из всего преподавательского состава остался один профессор С. А. Козин». «...Невысокого роста, полный, круглолицый, с коротко подстриженными волосами, тогда еще темными, и аккуратной щеточкой усов, он создавал в аудитории атмосферу спокойной доброты, в которой учение шло в охотку, и самые сложные разделы курса с интересом и легко усваивались» [4, с. 157–167]. В эвакуации университет продолжал жить, преподаватели проводили занятия, студенты учились. Наряду с другими студенты восточного факультета с большой благодарностью вспоминают профессора С. А. Козина, трепетно относившегося к ученикам. Из-за холода студенты часто болели, помещение хореографического училища (многие жили в репетиционном зале) Саратова и общежитие, где проходили занятия, не отапливались. Преподаватели часто навещали больных «...и даже, по необходимости, принимали у них экзамены. Тут мне хочется помянуть добром нашего ректора университета Александра Алексеевича Вознесенского. Без преувеличения можно сказать: университет выжил благодаря ему. Он умел заботиться о вверенных ему людях – преподавателях, студентах, служащих. Помню, я тяжело заболела, для лечения нужен был сахар, а его не было. А. А. Вознесенский отдал мне свой месячный паек сахара, полученного по карточкам», – вспоминала Л. Л. Викторова [Там же].

В 1944 г. был воссоздан восточный факультет (осенью 1944 г. начался новый учебный год университета в Ленинграде), где и продолжил свою работу Сергей Андреевич Козин. Несмотря на трудности и лишения военного времени, годы войны стали результативными в его научной деятельности, в 1941 г. ему была присвоена ученая степень доктора филологических наук, по итогам опубликованных работ, 1943 г. – учёное звание профессора и в том же году он избирается действительным членом АН СССР [11, с. 653]. В годы войны им были опубликованы основополагающие работы в монголоведении: научный перевод героической поэмы калмыков «Джангар» и текста монгольского классического историко-литературного памятника «Хроники 1240 года», он первым осуществил его публикацию с научными комментариями [6; 7]. В годы Великой отечественной войны вышли в свет работы

Гармы Данцарановича Санжеева (1902–1982) (родился в с. Тайшин Балаганского уезда Иркутской губернии), в 1928 г. окончил Ленинградский восточный институт (ЛВИ, прежнее название – Ленинградский институт живых восточных языков). Профессор с 1935 г., преподаватель МИВ с 1931 по 1954 г., где работал заведующим дальневосточного факультета), в 1940 г. написаны «Грамматика калмыцкого языка», статья «Грамматические приемы в монгольских языках» и монография «Синтаксис бурят-монгольского языка», в 1941 г. – «Грамматика бурят-монгольского языка» [11, с. 304].

Бурдуков Алексей Васильевич (1883–1943) и его дочь Таисия Алексеевна Бурдукова (1912–1987) – сотрудники Монгольского кабинета ИВ АН СССР в 1930-е гг. и одновременно преподаватели ЛГУ. «Алексей Васильевич Бурдуков – высокий, чуть сутуловатый, с остатками отросших седых волос на голове и длинными пышными усами – вёл практические занятия по разговорному монгольскому языку по составленному им разговорнику, а также много времени уделял нашему студенческому научному обществу...». Его дочь Таисия Алексеевна, «...молодая, тоненькая, изящная женщина с темными глазами и чуть монгольского типа прелестным лицом преподавала нам язык современной прессы (хотя ещё и на старой графике, новый алфавит на основе кириллицы ввели позже)» [4, с. 157–167].

Таисия Алексеевна пережила годы войны в эвакуации в Ташкенте вместе с ИВ (в китайско-монгольском кабинете работали Л. С. Пучковский, Г. Ф. Смыкалов, Т. А. Бурдукова, аспирант М. К. Максимов (с 1 октября 1944 г. – сотрудник) А. Е. Глускина (до отъезда Московской группы осенью 1943 г.) [10], там и закончила работу над хроникой Шираб Нимбо Хобитуева, материалы которой опубликовала там же, в Ташкенте¹, подготовила кандидатскую диссертацию², которую защитила в 1945 г. [11, с. 202].

Судьба же Бурдукова Алексея Васильевича в годы войны оборвалась, он был арестован в июле 1941 г., приговорён к высшей мере наказания, но казнь была заменена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, СибЛлага, где и умер от болезней в марте

¹ Хроника Шираб Нимбо Хобитуева // Рабочая хроника Института востоковедения за 1943 г. – Ташкент: Ин-т востоковед., 1944. – С. 38–41.

² Бурдукова Т. А. Историческая хроника Шираб Нимбо Хобитуева: история бурят XVII–XIX вв. – Ташкент: Ин-т востоковед., 1945. – 222 с.

1943 г.¹ В годы войны, в результате репрессий 1930-х гг. погиб (умер в лагере) монголовед, фольклорист, этнограф Цыбен Жамцарано (1880–1942).

Письмо Н. Н. Поппе от 2 декабря 1940 г., на наш взгляд имеет историческую ценность, т. к. оно показывает определённую высоту советского монголоведения, которое уже достигло успеха, основанного на сотрудничестве более старшего поколения востоковедов, которые получали образование у классиков российского монголоведения, и молодого поколения исследователей языка, истории монгольских народов, перенимающего опыт. Однако годы войны разорвали отчасти эту преемственность. Судьбы востоковедов фактически развивались по двум сценариям: 1) либо под эгидой советского государства для сохранения научного потенциала страны учёных эвакуировали из Ленинграда и Москвы в разные уголки Советского Союза, что их спасало, хотя наложило определённый отпечаток на организацию деятельности учреждений, филиалы которых были «разбросаны» по стране; 2) либо годы войны стали последними в жизни востоковедов и не только потому, что они воевали на фронтах войны, а потому, что погибали в лагерях, в результате репрессивной политики 1930-х гг.

Многие из сотрудников Института востоковедения ушли на фронт, часть осталась в Ленинграде. В боях и блокаде погибли 37 сотрудников института. Востоковеды являются участниками Великой Отечественной войны, в том числе монголоведы – уроженцы Бурятской АССР. Сандже Данцикович Дылыков (1912–1999) (родился в с. Харашибирь Хоринского аймака Бурятской АССР) – монголовед, в начале войны был в рядах Советской Армии, служил до 1950 г., участник ВОВ [11, с. 452]. Дашинима Галданович Дамдинов (родился в с. Токчин Читинской области) – участник ВОВ, награждён медалями СССР и РФ [Там же, с. 401]. Аристарх Тихонович Якимов (1895–1976) родился в Селенгинске Забайкальской области. В 1940 г. окончил МИВ. Служил в Советской Армии с 1940 г. Участник ВОВ [Там же, с. 716]. Первые работы по монголоведению написал в канун и во время войны [15–17], кроме того, он является одним из составителей специального русско-мон-

гольского военно-политического словаря и справочных изданий по географии и административно-территориальному делению Внутренней Монголии и Манчжоу Го². Михаил Петрович Хомонов (родился в 1913 г. в Балаганском уезде Иркутской области) в 1941 г. окончил монгольское отделение восточного факультета ЛГУ, ушёл добровольцем на фронт, участник ВОВ [11, с. 582]. Воевал на Ленинградском фронте, командуя взводом артиллерийского полка; в 1945 г. участвовал в разгроме Квантунской армии³. Георгий Иванович Мордвинов (1896–1966) (родился в деревне Бурнашово Верхнеудинского уезда Забайкальской области) в 1935 г. окончил МИВ, в 1938 г. – восточное отделение Института красной профессуры (ИКП). Руководил восточным сектором исполкома Коминтерна (1938–1940), участник ВОВ [11, с. 953]. Николай Цырендоржиевич Мункуев (1922–1985) – монголовед, участник ВОВ (1942–1945), служил в Советской Армии с 1942 по 1953 г. [Там же, с. 954].

Заключение. С началом Великой Отечественной войны, как и все граждане Советского Союза, востоковеды, учёные, исследователи стали жить и работать в условиях военного времени. Ситуация осложнялась блокированием Ленинграда войсками Германии, где в основном находились востоковедные и другие научно-исследовательские институты, что определило обязательную эвакуацию и сотрудников, и институтов. Институт востоковедения из Ленинграда был переведён в Ташкент, но не все сотрудники были отправлены в Ташкент, часть из них уехала с университетами, где они преподавали, некоторым было разрешено эвакуироваться в частном порядке.

Институт востоковедения осенью 1942 г. начал свою работу в Ташкенте, где востоковеды, в основном, занимались изучением вопросами истории Узбекской ССР, независимо от своего профиля. Сотрудничали в изучении истории Ташкента, в целом Республики, с другими институтами, эвакуированными в Среднюю Азию из Ленинграда, прежде всего с Ленинградским отделением института истории АН СССР. Таким образом, учёные, находившиеся в эвакуации,

¹ Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – СПб.: Петер. востоковед., 2003. – С. 82.

² Географические названия и административно-политические термины: по материалам монгольской прессы Внутренней Монголии и Манчжоу Го. – Улан-Удэ: Седьмой отдел Политуправления 17-й армии, 1942. – Вып. 1. Для служебного пользования. – Экз. № 22. – 23 с.

³ Межархивный справочник по фондам личного происхождения (на 1 января 2015 г.). – Улан-Удэ: [б. и.], 2015. – С. 121, 122.

продолжали работу над исследованиями, но лишь по некоторым ранее запланированным темам, в основном же отвечали на требования времени, выдвинутые войной и эвакуацией. Важную роль в исследованиях истории и культуры монгольских народов стал играть

центр в Улан-Удэ, представленный Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом и Бурят-Монгольским педагогическим институтом, потенциал которых был значительно усилен учёными, приехавшими в БМАССР накануне и в годы войны.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Николай – Николас Поппе. М.: Вост. лит., 1996. 144 с.
2. Будаев Ю. И. Наставление учителя учителей (Д. Д. Амоголонов, 1912–1982) // Российское монголоведение: хрестоматия / сост. Е. К. Шаракшинова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 247–253.
3. Будаев Ю. И. Даша Амоголонов // Выдающиеся бурятские деятели. Улан-Удэ: Нац. библиот. Бурятии, 2005. Вып. 6. С. 65–67.
4. Викторова Л. Л. Мне довелось служить военным переводчиком // Из истории Кунсткамеры 1941–1945. Слово тем, кто сохранял музей. Слово тем, кто воевал. Слово детям блокады / отв. ред. А. С. Мыльников; сост. В. Н. Володина. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2003. С. 157–167.
5. Дамешек Л. М., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. Признанный авторитет в сибирской историографии (к 110-летию со дня рождения профессора Ф. А. Кудрявцева) // «Патриарх» исторической науки Сибири: к 110-летию со дня рождения Фёдора Александровича Кудрявцева (1899–1976). Иркутск: Оттиск, 2009. С. 6–10.
6. Козин С. А. Джангариада (введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 252 с.
7. Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием «Юань чао би ши» // Монгольский обыденный сборник (введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарий). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 1. 619 с.
8. Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа: от XVII века до 60-х годов XIX века: очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.
9. Кузьмин Ю. В. Н. П. Шастина – историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии // Вестник международного центра азиатских исследований. 2008. № 5. С. 15–25.
10. Марахонова С. И. Деятельность Института востоковедения АН СССР в эвакуации (Ташкент, 1942–1945 гг.): по архивным материалам // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 247–262.
11. Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь: в 2 кн. М.: Вост. лит., 2008. Кн. 1: А–М. 968 с.; кн. 2: Н–Я. 1005 с.
12. Осинский И. И. Alma Mater. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 1999. 642 с.
13. Полянская О. Н. Советское востоковедение в годы Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 26–30.
14. Чимитдоржиев Ш. Б., Лыскова В. Ц. Георгий Никитич Румянцев – учёный-востоковед: очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 68 с.
15. Якимов А. Т. Буддизм и его роль в истории монголов. Чита: Чит. кн. изд-во, 1945. 123 с.
16. Якимов А. Т. Из монгольского народного эпоса // Труды Московского института востоковедения. 1939. Сб. 1. С. 235–242.
17. Якимов А. Т. К вопросу об общественном строе дореволюционной Монголии и роли ламаизма // Труды Московского института востоковедения. 1940. Сб. 2. С. 139–151.

Статья поступила в редакцию 16.08.2020; принята к публикации 20.09.2020

Сведения об авторе

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; e-mail: PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Источники финансирования статьи

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-59-44008 «Мировое и российское монголоведение: национальные школы, концепции, персоналии».

Библиографическое описание статьи

Полянская О. Н. Монголоведение в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 6. С. 180–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-180-188.

References

1. Alpatov, V. M. Nikolai – Nicholas Poppe. M: Vostochnaya literatura RAN, 1996. (In Rus.)
2. Budaev, U. I. Teacher guidance for teachers (D. D. Amogolonov. 1912–1982). Russian Mongolian Studies: Irkutsk: Izdat-vo IGU, 2012: 247–253. (In Rus.)
3. Budaev, U. I. Dasha Amogolonov. Outstanding Buryat personalities, vol. 6, pp. 65–67, 2005. (In Rus.)
4. Viktorova, L. L. I happened to serve as a military translator. From the history of the Kunstkamera 1941–1945. The floor is given to those who kept the museum. Word to those who fought. A word to the children of the blockade. SPb: Izdatelstvo MAE RAN, 2003: 157–167. (In Rus.)
5. Dameshek, L. M., Kuznetsov, S. I., Petrushin, Yu. A. Recognized authority in Siberian historiography (to the 110th anniversary of the birth of professor F. A. Kudryavtsev). "Patriarch" of the historical science of Siberia: to the 110th anniversary of the birth of Fedor Aleksandrovich Kudryavtsev. Irkutsk: Ottisk, 2008: 6–10. (In Rus.)
6. Kozin, S. A. Dzhangariada (introduction to the study of the monument and translation of its Torgut version). M.-L: Izdatelstvo AN SSSR, 1940. (In Rus.)
7. Kozin, S. A. Secret legend: Mongolian chronicle of 1240 called "Yuan chao bi shi". Mongolian everyday collection (introduction to the study of the monument, translation, texts, glossary). Vol. 1. M.-L: Izdatelstvo AN SSSR, 1941. (In Rus.)
8. Kudryavtsev, F. A. History of the Buryat-Mongolian people: from the 17th century to the 1860s. Essays. M.-L: Izdatelstvo AN SSSR, 1940. (In Rus.)
9. Kuz'min, U. V. N. P. Shastina – historian, source researcher, historiographer of modern and recent history of Mongolia. Bulletin of the International Center for Asian Studies, no. 5, pp. 15–25, 2008. (In Rus.)
10. Marakhonova, S. I. Activities of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences in evacuation (Tashkent, 1942–1945). Based on archival materials. Written monuments of the East, no. 2, pp. 247–262, 2010. (In Rus.)
11. Miliband, S. D. Orientalists of Russia: XX – early XXI century: biobibliographic dictionary: in 2 volumes. M: Vost. lit., 2008. Kn. I: A-M. 968 p. V. II: N-Ya. 1005 p. (In Rus.)
12. Osinskiy, I. I. Alma mater. Ulan-Ude: Izdatelstvo Buryatskogo gosuniversiteta, 1999. (In Rus.)
13. Polyanskaya, O. N. Soviet oriental studies during the Great Patriotic War. Bulletin of the Buryat State University, no. 7, pp. 26–30, 2010. (In Rus.)
14. Chimitdorziev, Sh. B., Luksokova, V. C. Georgy Nikitich Rumyantsev is a scientist – orientalist. Essays. Ulan-Ude: Izdat-vo BNC SO RAN, 2003. (In Rus.)
15. Yakimov, A. T. Buddhism and its role in the history of the Mongols. Chita: Chitinskoe kn. Izdat-vo, 1945. (In Rus.)
16. Yakimov, A. T. From the Mongolian folk epic. Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies, vol. 1, pp. 235–242, 1939. (In Rus.)
17. Yakimov, A. T. On the question of the social structure of pre-revolutionary Mongolia and the role of Lamaism. Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies, vol. 2, pp. 139–151, 1940. (In Rus.)

Received: August 16, 2020; accepted for publication September 20, 2020

Information about author

Polyanskaya Oksana N., Buryat State University; 24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia; e-mail: PolGrab@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1483-2441>.

Sources of article funding

This work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-59-44008 "World and Russian Mongolian Studies: National Schools, Concepts, Personalities").

Reference to the article

Polyanskaya O. N. Mongolian Studies in the USSR During the Great Patriotic War of 1941–1945 // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 6. PP. 180–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-6-180-188.